

Право

УДК 343.265.22:343.13

К вопросу об уголовно-правовой медиации и ее ресоциализационном потенциале

Т.П. АФОНЧЕНКО

Декларированные цели (задачи, функции) уголовной ответственности достигаются в рамках различных этапов ее реализации, каждый из которых в первую очередь должен быть непосредственно направлен на результативное исправительно-ресоциализирующее воздействие на лицо, вступившее в конфликт с законом. В идеале, эффективное средство преодоления потенциальных сложностей при социальной адаптации в перспективе, отвечающее потребностям современного общества и стандартам человеческого измерения, – это предотвращение осуждения и направления в места лишения свободы, что возможно и на этапе, когда преступление уже совершено, в рамках частного-правовых начал восстановительного правосудия (например, в форме медиации), являющегося эффективной альтернативой уголовному преследованию.

Ключевые слова: ресоциализация, восстановительное правосудие, уголовно-правовая медиация, гражданское общество.

The declared goals (tasks, functions) of criminal responsibility are achieved within the framework of various stages of its implementation, each of which, first of all, must be directly aimed at an effectiveness of the corrective-resocializing impact on a person who has come into conflict with the law. Ideally, an effective means of overcoming potential difficulties in social adaptation in the future that meets the needs of modern society and the standards of the human dimension is the prevention of conviction and referral to places of deprivation of liberty. This is also possible at the stage when the crime has already been committed, in the framework of the private law principles of restorative justice (for example, in the form of mediation), which is an effective alternative to criminal prosecution.

Keywords: resocialization, restorative justice, criminally-legal mediation, civil society.

Введение. Прогрессивные положения международных правовых актов и на их основе национальные законодательные системы различных государств значительную долю внимания уделяют реституционному правосудию, видя в нем альтернативу устоявшимся стереотипам пунитивного (англ. punitive – карательный) правосудия, в практике правоприменительной деятельности (следственной и судебной) зачастую приобретающего обвинительный уклон.

Основная часть. В Республике Беларусь в настоящее время на законодательном уровне медиация предусмотрена в целях урегулирования споров, в основном возникающих из гражданских правоотношений (ст. 1 Закона Республики Беларусь «О медиации») [1]. Подобная правотворческая позиция повлекла «выпадение» из законодательного регулирования и сферы правоприменения возможности для потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на правовых началах прийти к соглашению вне рамок уголовного процесса на основе медиации. Отдельные авторы отмечают, что уголовно-правовая медиация в настоящее время считается теоретически невозможной и на концептуальном уровне логически противоречивой, поскольку ее идеи и техника якобы несовместимы с механизмом действия уголовного права и уголовного процесса [2, с. 127]; некоторые полагают, что уголовно-правовая медиация наиболее востребована в правосудии по делам несовершеннолетних, поскольку позволяет сузить сферу карательного воздействия уголовных наказаний на лиц, не достигших возраста совершеннолетия, посредством законодательного закрепления пределов назначения и возможного применения мер, альтернативных уголовному наказанию, в рамках институциональных моделей ювенальной юстиции [3, с. 71], [4, с. 105], [5, с. 31–35]. В то же

время, как отмечает В. Каменков, сегодня о медиации в уголовном праве и процессе не только говорят, но и активно используют, программы примирения потерпевшего и правонарушителя являются самой распространенной формой восстановительного правосудия в ряде государств Европы, в Японии, в США и иных государствах американского континента [6, с. 18–19], [7, с. 24–28], [8, с. 202–208], [9, с. 12–24]. Среди государств – участников СНГ медиация предусмотрена соответствующим законодательством Республики Казахстан (ст. 68 УК Республики Казахстан, ст. 85 УПК Республики Казахстан) [10], [11]. Проведенная в Республике Казахстан реформа уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, которая завершилась принятием и вступлением в действие с 2015 г. новых УК, УПК и УИК, расширила социальную основу для постепенного введения уголовно-правовой медиации в республике. Выражается это в том, что созданы правовые предпосылки формирования различного рода общественных образований для содействия деятельности уголовной юстиции. Сегодня как начало этого процесса предусматривается создание консультативно-совещательных органов и учреждений, прежде всего, на региональном уровне, а также общественных наблюдательных комиссий (ст. 18 и 33–38 УИК Казахстана) [12].

Независимо от способа описания в законодательстве и применяемой модели медиации (что зависит от сложившейся системы национального уголовного правоприменения в том или ином государстве), медиация в уголовном праве выступает как упорядоченная совокупность определенных методов, используемых специальными субъектами – медиаторами, в целях достижения соглашения и разрешения по взаимному волеизъявлению конфликтующих сторон возникшего уголовно-правового конфликта применительно к строго обозначенной категории уголовных дел [13, с. 157–158]. Медиация при посредничестве лиц, прошедших профессиональную юридическую и психологическую подготовку в данном направлении, представляется формой, весьма востребованной в перспективе. Медиатор в уголовно-правовом конфликте мог бы участвовать на различных стадиях уголовного процесса как третья, нейтральная, незаинтересованная сторона. В процессе переговоров медиатор оказывал бы помощь сторонам (обвиняемому и потерпевшему), что способствовало бы пониманию требований и интересов лица, которому в результате преступления причинен физический, материальный и моральный ущерб, а также большей степени инклюзивности виновного в процесс возмещения причиненного вреда. Кроме того, деятельность медиатора помогла бы более четко определить занимаемые позиции, подвести участников уголовного правоотношения к поиску конструктивного решения конфликта, приемлемого для обеих сторон, способствовать рационализации правосудия и снизить показатели так называемой цены преступности [14, с. 19]. Как указывает О.В. Кузьмина, «альтернативные уголовному преследованию меры дают возможность использовать наряду с методом принуждения метод поощрения» [15, с. 54].

На наш взгляд, в рамках процедур восстановительного (реституционного) правосудия и медиации как формы компромисса и, в определенной степени, достижения гармонии между принуждением и поощрением в уголовном праве, можно говорить о частичной ресоциализации виновного лица, которое реально осознает, что совершило, в процессе общения с потерпевшим, и уже на данном этапе может восстановить свое доброе имя путем возмещения вреда и успешнее реинтегрироваться в общество [16, с. 43]. Значительный потенциал в стимулировании положительного постпреступного поведения позволяет, по мнению Л.В. Павловой, «рассматривать, например, добровольное устранение причиненного вреда и уголовно-правовую реституцию в качестве самостоятельных средств уголовно-правового воздействия» [17, с. 148–155].

Тем не менее, важно понимать, что концепция восстановительного, или восстановительно-реабилитационного правосудия в отношении лица, вступившего в конфликт с уголовным законом, не ограничивается примирением обвиняемого и потерпевшего. В числе ее целей, помимо стремления минимизировать или избежать применения традиционной уголовной санкции в рамках реализации уголовной ответственности посредством примирения с потерпевшим и возмещения ему причиненного преступлением вреда, также присутствует цель выработать на данной основе совместно с потерпевшим и специалистами в области медиации программу реабилитации лица вне рамок уголовной ответственности либо наряду с приме-

нением соответствующей уголовной санкции. Вне такого понимания формирование полноценного института ресоциализации осужденного на основе примирительных процедур фактически лишено перспектив развития [12].

По справедливому утверждению О.В. Петровой, «создание восстановительного правосудия – достаточно сложная реформа деятельности уголовной юстиции» [18, с. 305]. Разумеется, процедура уголовно-правовой медиации лиц, преступивших закон, должна быть организационно обеспечена развитой системой социальных учреждений реабилитационного характера, коммуникация с которыми на основе примирения с потерпевшим на досудебной стадии уголовного судопроизводства позволит эффективно и ответственно осуществлять социальную реабилитацию правонарушителя на условиях альтернативы традиционному наказанию. В подобном случае задача уголовно-правовой медиации состоит не только в том, чтобы примирить правонарушителя с потерпевшим, но и в том, чтобы обеспечить его реабилитационно-профилактическое примирение с требованиями правопорядка, осознание необходимости их соблюдения. Именно на этой основе представляется возможным сделать вывод о целесообразности освобождения лица от уголовной ответственности при условии его добровольного участия в предложенных реабилитационных мероприятиях либо о необходимости совмещения соответствующей реабилитационной программы (реабилитационных мероприятий) с применением мер уголовной ответственности.

Следует согласиться с тем, что вялотекущий процесс введения медиации в уголовно-правовую сферу и незаинтересованность в нем публичных институтов обусловлен неподготовленностью социальной сферы, отсутствием правовых оснований ее включенности в правосудное разрешение уголовно-правовых конфликтов и, как следствие, – неполнотой законодательного регулирования медиации в системе уголовной юстиции.

Важной особенностью медиации в системе уголовной юстиции, в отличие от медиации в частно-правовой сфере, является ее построение на императивной основе, что обусловлено публично-правовыми функциями и целями уголовной ответственности. При всей важности компенсаторного механизма удовлетворения интересов потерпевшего от преступления на основе примирения, ключевой задачей деятельности уголовной юстиции, а, следовательно, и медиации в системе уголовного судопроизводства, остается социально-профилактическая (исправительно-предупредительная) функция уголовного закона. Это вовсе не означает, что мы выступаем против повышения конструктивной роли потерпевшего как жертвы преступления в разрешении уголовно-правового конфликта и определении интенсивности исправительного воздействия на правонарушителя. Но ставить вопрос таким образом, что потерпевший должен стать центральной фигурой уголовного процесса, определяя способ, размер, сроки возмещения ущерба, и уровнем удовлетворения потерпевшего предложенными реституциями в рамках медиативного примирения должны определяться уровень и степень уголовно-правового воздействия на лицо, совершившего преступление, на наш взгляд, недопустимо.

Трансформация института примирения в рамках процедуры медиации по уголовным делам в сугубо экономическую плоскость в социальном и криминологическом отношении дискредитирует уголовный закон и его цели, реализуемые посредством неотвратимости уголовной ответственности, которая должна и может замещаться иными мерами социально-профилактического или реабилитационного характера. Сближение уголовно-правового воздействия с экономической составляющей (так называемая фискальная функция уголовного права) в целом подвергается критике [19, с. 73], [20, с. 243].

Уголовно-правовая медиация – это особая процессуальная процедура в рамках традиционного уголовного судопроизводства, в процессе которой должна быть подготовлена, сформулирована и предложена программа принудительной реабилитации лица вне уголовной ответственности или наряду с ее применением. Следовательно, медиация в уголовном процессе – это не просто процедура примирения с потерпевшим при участии медиатора, а социально-криминологическая диагностика (объективных и субъективных причин преступного и иного антиобщественного поведения) лица, условий его жизни и воспитания на предмет степени антиобщественной запущенности и ее мотивационной устойчивости, по результатам которой составляется программное (комплексное) реабилитационное заключение.

Уголовно-правовая медиация – это сопряженный с уголовным преследованием процесс, но в котором лицо, находящееся в состоянии конфликта с уголовным законом (совершившее преступление), рассматривается преимущественно в качестве жертвы совокупности криминогенных обстоятельств социального окружения и иных значимых обстоятельств. Только на основе подобной конструкции и понимания содержания уголовно-правовой медиации она может быть адекватно встроена в систему уголовного судопроизводства.

Далее, весьма важно уточнить в законе круг субъектов уголовно-правовой медиации. Так, например, возникает вопрос о том, является ли виновный по уголовному делу участником (и в каком качестве) медиативного процесса. Скорее он и сторона, и объект воздействия этого процесса по отношению к иным участникам процедуры медиации, что определяет круг его прав и обязанностей по отношению к другим участникам.

Использование конструктивных реабилитационных (воспитательно-профилактических) механизмов позволяет избежать так называемого ситуативного раскаяния, продиктованного желанием избежать применения уголовной ответственности или смягчить ее по установленному факту совершения преступления, выражаемого в сиюминутном чистосердечном раскаянии и в обобщенной установке на соблюдение правопорядка, не подкрепленной фиксированными навыками осознанного правопослушного поведения. В мировой практике освобождение от уголовной ответственности или наказания в контексте уголовно-правовой медиации – это не завершение процедуры медиации, а ее последовательное продолжение. В процессуальном отношении это всего лишь передача уполномоченным органом уголовного преследования или судом материалов дела социальным службам, в том числе органам образования, социального сопровождения или постоянно действующим семейным или коммунальным конференциям, которые в свою очередь предметно и целенаправленно осуществляют комплекс реабилитационных программ в отношении лица на индивидуальной основе. Данный процесс проходит под контролем уполномоченных органов уголовного преследования или суда.

Основная задача указанных социальных формирований – на практическом опыте и при поддержке инициатив и институтов гражданского общества – сформировать эффективную социальную инфраструктуру государственных и негосударственных учреждений, которые в соответствии с действующим законодательством будут уполномочены и обязаны осуществлять реабилитационную программу как альтернативу сугубо карательным или относительно карательным функциям уголовной ответственности.

Процесс уголовно-правовой медиации должен осуществляться на плановой и программной основе с учетом криминологической характеристики контингента, преступивших закон, проводиться преимущественно на договорной основе, с формированием блока оказываемой им помощи и его обязательств по ориентации на правопослушное поведение и его подтверждение, то есть осуществляться на принципах пробации (испытания). Это наиболее приемлемая форма программного осуществления процесса медиации в уголовном процессе. Она персонифицировано ориентирована на ответственное и контролируемое самововлечение лица, вступившего в конфликт с уголовным законом, в процесс позитивной социальной реинтеграции в общество, учитывает его заинтересованность и самоответственность в этом. Задача медиации в рассматриваемой плоскости состоит в том, чтобы примирить правонарушителя на основе разрешения конфликта с потерпевшим с необходимостью возмещения причиненного вреда, а также добропорядочного и бесконфликтного поведения, выработать программу его адаптации к такому образу поведения на постоянной основе. В случае умышленного неисполнения лицом обусловленных подобной пробационной программой мер воздействия, в том числе сочетающейся, например, с мерами профилактического наблюдения (два и более раз в течение года), пробация по представлению специализированного государственного органа отменяется судом, и материалы направляются для привлечения лица к уголовной ответственности, если не истек срок давности.

В целом, процесс уголовно-правовой медиации находится в стадии становления и формирования, в первую очередь, на научно-теоретической основе. Но уже сегодня он способен в комплексе обеспечить предметное взаимодействие органов уголовно-исполнительной си-

стемы, наблюдательных комиссий, органов образования, местных органов управления и самоуправления, органов медиации, суда в стремлении выйти на создание оптимальной модели уголовно-правовой медиации как одной из форм социальной реабилитации лица, допустившего девиантное поведение.

Эта система отражает также некоторые инновационные стратегии, включающие: необходимость учитывать культурную среду и соответствовать ей; привлечение семьи и иных сообществ к участию на всех стадиях принятия решений в отношении их члена; предоставление возможности самим преступившим закон высказываться по поводу того, какие меры следует к ним применить за совершенное правонарушение; участие потерпевших в обсуждении вопроса о возможных санкциях для правонарушителей; принятие решения по обоюдному согласию при посредничестве профессиональных служб медиации. Международный опыт показывает, что наиболее полно правосудие работает в тех странах, где обеспечен эффективный формат взаимодействия между различными структурами общества.

Заключение. По своим принципам и процедурам система медиации по уголовным преступлениям может и должна выстраиваться как модель восстановительно-реабилитационного правосудия при условии, что она не нивелирует принцип неотвратимости ответственности, создает веские основания для предпочтительной замены формальных уголовных процедур и санкций на альтернативные меры и применение мер общественного воздействия, а также включает комплекс мероприятий по социальной реабилитации лица, преступившего закон.

Литература

1. О медиации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 19 июля 2010 г. № 170-З // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Головкин, Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации / Л.В. Головкин // Закон. – 2009. – № 4. – С. 127–135.
3. Топорикова, О.О. Возможности использования примирительных процедур при рассмотрении уголовных дел с участием несовершеннолетних / О.О. Топорикова // Актуальные проблемы использования примирительных процедур как формы разрешения споров в национальном и международном праве: материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 23 апреля 2010 года / М-во образования Республики Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: Г.А. Короленок [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2010. – С. 71–73.
4. Крестовская, Н.Н. Европейские модели ювенальной юстиции и Украина / Н.Н. Крестовская // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы: сб. науч. тр. в 2-х т. / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск, 2008. – Т. 2. Проблемы унификации законодательства в Содружестве Независимых Государств и Европейском Союзе. – С. 103–105.
5. Ярмоц, Е.Н. Институциональная структура ювенальной юстиции / Е.Н. Ярмоц // Право.by. – 2014. – № 1 (27). – С. 31–35.
6. Каменков, В.С. Медиация в уголовно-правовой сфере в Беларуси и других странах / В.С. Каменков // Законность и правопорядок. – 2015. – № 4. – С. 18–23.
7. Ельчанинов, А.П. Зарубежный опыт реализации процедур медиации в уголовно-правовой сфере / А.П. Ельчанинов // Мировой судья. – 2013. – № 2. – С. 24–28.
8. Василенко, А.С. Медиация в уголовном процессе США / А.С. Василенко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 202–208.
9. Попаденко, Е.В. Применение примирительных процедур (медиации) в уголовном судопроизводстве / Е.В. Попаденко. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 144 с.
10. Уголовный кодекс Республики Казахстан, 4 июля 2014 г. № 231-V: введен в действие с 1 янв. 2015 г. // Параграф: информационные системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252#pos=4718;-120&pos2=1053;-126. – Дата доступа : 20.03.2017.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, 3 июля 2014 г. № 226-V: введен в действие с 1 янв. 2015 г. // Параграф: информационные системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#pos=7065;-132&pos2=1861;-144. – Дата доступа : 20.03.2017.

12. Ескенди́ров, А.А. Ювенальная медиация (из опыта Республики Казахстан) // А.А. Ескенди́ров // *Право.by.* – 2016. – № 4 (42). – С. 128–133.
13. Сизова, В.Н. Медиация в уголовном праве: вопросы определения понятия / В.Н. Сизова // *Вестник Нижегородской Академии МВД России.* – 2015. – № 3 (31). – С. 156–158.
14. Шестаков, Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. Избранное / Д.А. Шестаков. – СПб. : Издательство «Юридический центр», 2015. – 432 с.
15. Кузьмина, О.В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском уголовном праве / О.В. Кузьмина // *Lex Russia.* – 2015. – № 1 (Том ХСVIII). – С. 51–58.
16. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе: учеб.-метод. пособие / Л.Л. Зайцева [и др.] ; под ред. У. Хелльманна, С.А. Балашенко, Л.Л. Зайцевой. – Минск : Изд. центр БГУ, 2015. – 223 с.
17. Павлова, Л.В. Добровольное устранение вреда, уголовно-правовая реституция и государственная компенсация как средства обеспечения права потерпевшего от преступления на устранение причиненного вреда / Л.В. Павлова // *Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: сб. науч. ст. / Э.А. Саркисова [и др.] ; под ред. Д.В. Шаблинской.* – Минск : Бизнесофсет, 2016. – Вып. 2-й, посвящ. 80-летию проф. Э.А. Саркисовой. – С. 143–175.
18. Петрова, О.В. Восстановительное правосудие: новое направление в решении задач уголовного процесса / О.В. Петрова // *Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В.М. Хомич [и др.].* – Минск : БГУФК, 2009. – Вып. 2. – С. 302–310.
19. Кострова, М.Б. Уголовно-правовые механизмы компенсационного характера как один из трендов «экономико ориентированной» уголовной политики России / М.Б. Кострова // *Уголовное право.* – 2017. – № 4. – С. 73–79.
20. Скрипченко, Н.Ю. Преодоление экономического кризиса уголовно-правовыми средствами / Н.Ю. Скрипченко // *Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: матер. XI Российского Конгресса уголовного права, посв. памяти доктора юридических наук, профессора В.С. Комиссарова, Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г.* – М. : Юрлитинформ, 2018. – С. 240–243.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 18.08.2018